

Глава 24: Я никогда не покину тебя

Шэнь Цзицзе был ошеломлен на несколько секунд, после чего он рысцой побежал в направлении, куда ушел Сяо Бай. Этот коридор должен быть безопасным, чтобы оставить Лу Жуна здесь, прежде чем продолжить исследовать путь.

Вернувшись к началу, он увидел, что железные двери, возникшие из воздуха, исчезли, и свет в коридоре ярко горел, но Лу Жуна, который должен был поспешить ему навстречу, не было.

Шэнь Цзицзе на мгновение опешил, после чего начал на бегу кричать Жун-Жуна.

Крики и шаги эхом отдавались в пустом здании, но ответа от Лу Жуна не последовало.

Он забежал за выступающий из стены столб и огляделся, но там никого не было. Сердце упало прямо вниз, пот стекал у него со лба.

Шэнь Цзицзе развернулся и побежал обратно, чтобы пройти по тому же маршруту, добежав до угла, убедился, что не свернул не в ту сторону и именно здесь он приказал Лу Жуну спрятаться.

"Лу Жун! Лу Жун!"

Продолжая выкрикивать имя Лу Жуна, он остановился перед дверью, которая была ближе к колонне.

После минутного молчания он сделал два глубоких вдоха и с грохотом распахнул дверь.

В тот момент, когда дверь открылась, он был морально готов к ужасной сцене, прикладывая железный прут к груди.

Но комната была пуста, там ничего не было, только пачка разорванных мешков из-под цемента в углу. Нет ни ужасных призраков, ни Лу Жуна.

Шэнь Цзицзе закрыл дверь и толкнул дверь соседней комнаты.

Там по-прежнему пусто.

Раздалась серия хлопков, он осмотрел все комнаты в этом коридоре и не нашел ничего странного.

Шэнь Цзицзе держался левой рукой за лоб, и на тыльной стороне его правой руки, держащей

железный прут, проступили синие вены. Он несколько раз встревоженно обернулся, в его сердце была только одна мысль.

Диди пропал.

...

После того, как Лу Жун избавился от женщины в красном, он хотел отдать должное Шэнь Цзице. Как только он обнял себя за бедро, он вспомнил, что в настоящее время он олень, ещё не ставший человеком, поэтому поспешно побежал обратно, поджав хвост.

Гэгэ скоро пойдет за ним, ему нужно быстро перевоплотиться обратно.

Лу Жун перелетел через него на четырех копытах и как можно быстрее побежал обратно к железным дверям. Резко затормозив, он превратился в обнаженного белого маленького мальчика, с волнением смотрящего за угол, ожидая появления фигуры Шэнь Цзице.

Шэнь Цзице обязательно рассказал бы ему о произошедшем, он всегда хвалил воина-оленья, используя такие фразы, как золотые доспехи и рога длиной более метра.

Единственное сожаление заключается в том, что он не мог сказать, что он воин-олень, ему остается только подавлять радость.

Из-за волнения в своем сердце он продолжал делать маленькие шажки на месте, ожидая, что вот-вот подойдет его гэгэ и он бросится в его объятия, как пушечное ядро.

Лу Жун долго ждал, но никого не видел, поэтому он не мог удержаться от желания взглянуть. Пройдя несколько шагов и увидев только сандалии и разбросанную одежду, он вспомнил, что все еще обнажен, и поспешил одеться.

Он прокрался к углу и выглянул наружу, но был разочарован, обнаружив, что в коридоре никого нет.

Когда он подошел к тому месту, где дрался с женщиной в красном, на земле все еще была лужа черной воды, но Шэнь Цзице уже исчез.

Лу Жун некоторое время стоял, опустив голову, затем молча повернулся, расправил плечи и медленно вернулся к тому месту, с которого начал. Он присел на корточки у железных дверей и ошеломленно уставился на цементный пол перед собой.

"Мой гэгэ должно быть продолжил искать телепорт, и он вернется, чтобы забрать меня, когда найдет его."

“Должно быть, так оно и есть, он вернется, чтобы забрать меня.”

Лу Жун опустил голову и что-то пробормотал себе под нос, вытягивая тонкие белые пальцы, чтобы нарисовать круги на земле, собирая вместе мелкий песок сверху.

“Мой гэгэ обязательно вернется, чтобы забрать меня.”

Через некоторое время упала капля кристально чистой воды, превратив мелкий песок в темную массу.

...

Шэнь Цзицзе шел по похожим на паутину коридорам, как безголовая муха.

Он не знал, куда он попал и где находится сейчас, он мог только просматривать один проход за другим, выкрикивая имя Лу Жуна одними губами, его голос стал немного хриплым.

Тяжелый железный прут было неудобно все время держать, поэтому его волочили по земле, всю дорогу раздавался резкий царапающий звук.

Он начал задаваться вопросом, не забрало ли Лу Жуна что-нибудь ужасное, как только он ушел...

Думая об этом, его сердце было полно раскаяния, он ругал себя за то, что ему не следовало оставлять его там одного, тогда с ним не произошло бы ничего страшного.

Его глаза покраснели, он закусил нижнюю губу, думая, что если он не найдет Лу Жуна, даже если телепорт будет найден, он не выйдет пока не найдет его.

Проход постепенно затуманивался, огни над головой больше не были четкими, в тумане виднелся только белый ореол. Издалека его плохо видно, а видимости составляла один-два метра.

Он не знал, когда появился туман.

Шэнь Цзицзе не стал утруждать себя размышлениями о том, почему в здании был туман, поэтому он просто продолжил искать, время от времени выкрикивая имя Лу Жуна.

Под его ногами часто попадались деревянные и железные прутья, а также несколько куч песка. Он не заметил, как споткнулся и тяжело упал, железные прутья в его руке зазвенели и откатились в угол.

Падение было очень сильным. Он пролежал на земле более десяти секунд, прежде чем медленно поднялся. В коленях возникло острое покалывание, и он снова чуть не опустился на колени.

Колени и ладони рук были покрыты песком и грязью, из них сочилась красная кровь, а на икрах было полно кровавых отметин.

Он ухмыльнулся, стряхнул песок, подобрал железный прут в углу и захромал дальше.

...

Лу Жун долго сидел на корточках, и печаль в его сердце, казалось, немного утихла. Он вытер две слезы, все еще стекавших по лицу, встал и приготовился пойти к Шэнь Цзицзе, но был шокирован, только подойдя.

Вместо серого цементного прохода он оказался в переулке. Над его головой небо было черным, свет падал из соседнего двора, окрашивая стену перед ним в оранжево-красный цвет.

С левой стороны стены есть деревянная дверь, на стене рядом висела пожелтевшая маленькая бумажка с надписью qq. Вверху изображен некий старый врач китайской медицины, а ниже мелким шрифтом выведен номер телефона.

Он резко повернул голову, его зрачки внезапно сузились, а дыхание на две секунды замерло.

В поле зрения попали два синих мусорных бака, тихо стоящих у основания стены. Они большие и круглые, один был открыт и полон мусора, крышка второго же была закрыта. Рядом с ним висел ветхий пластиковый пакет, шелестевший на ветру.

Лу Жун пристально посмотрел на закрытое мусорное ведро, постепенно охваченный давно забытым чувством, которое он очень ненавидел.

— Это страх, отчаяние и бессилие быть брошенным близким родственником.

Долгое время это чувство было с ним, к иногда оно заставляло его грустить.

Играя со щенком, он начинал впадать в оцепенение, обнимал дедушку за шею и вежливо спрашивал снова и снова: "Дедушка, я твой хороший малыш? Дедушка, я нравлюсь тебе больше всех, верно?" Только если дедушка Цай давал ему положительный ответ, он чувствовал некоторое облегчение.

Хотя благодаря компании и любви Цая эти тревоги и страхи постепенно исчезли, он думал, что все кончено. Но когда он снова увидел эту сцену, у него мгновенно хлынули слезы.

Эта никогда не пройдет.

Слева послышался шорох шагов, он быстро повернул голову, чтобы посмотреть, и увидел Ван Ту, действительно стоящего неподалеку.

Он не изменился, точно такой же, каким запомнился Лу Жуну.

Короткие волосы были тонко подстрижены, почти обнажая кожу головы. Одетый в черный пуховик, который он носил в тот день, на его лице была знакомая Лу Жуну улыбка, в уголках глаз залегли две нежные морщинки от улыбки.

Ван Ту сделал два шага вперед и протянул ему руку, его голос был таким же мягким, как всегда: "Жун-Жун, пойдём, брат Ту отвезет тебя домой."

Лу Жун слышал, как яростно бьется его сердце, его грудь быстро вздымалась. Он слегка приоткрыл рот, чтобы отдышаться, его руки, сжатые в кулаки, свисали рядом с шортами.

"Жун-Жун, прости, мне потребовалось так много времени, чтобы забрать тебя," — Ван Ту сделал еще один шаг вперед, его лицо было полно извинений.

Зрение Лу Жуна уже затуманилось от слез, и он тихо произнес два слова: "Ту-гэ..."

Голос был очень тихим, он и сам его не слышал.

"Да, это я, Жун-Жун, я твой Ту-гэ," — Ван Ту присел на корточки и протянул к нему руки.

Лу Жуну хотелось закричать, хотелось заплакать, хотелось обнять Ван Ту, а затем ударить его кулаком.

Хотелось задать вопросы, о которых он думал посреди ночи, один за другим, и даже был готов задать один точный вопрос, как только увидел Ван Ту.

"Где ты был так долго?"

"Ты оставил меня в мусорном баке и сказал, что приедешь за мной, но почему ты пришел только сейчас?"

"Ты хоть представляешь, как мне было страшно..."

"Ты такой надоедливый."

...

У Лу Жуна было много слов, но все они застряли у него в горле, он не мог вымолвить ни слова.

Выражение лица Ван Ту было очень тронутым, он кашлянул и сказал: "Пойдем, Ту-гэ отвезет тебя домой."

Лу Жун думал, что ему, будет все равно, когда он вновь увидет Ван Ту, на его лице не будет никакого выражения. Что после расспросов он больше не будет обращать на него внимания, будет вести себя холодно.

Но он не мог сдержать слез и своего желания приблизиться к Ван Ту.

Желание, которое было скрыто глубоко под обидой и негодованием и к которому нелегко было прикоснуться, когда он снова увидел этого человека, неистово разрослось в его сердце и мгновенно заняло все его мысли.

Он не смог удержаться и сделал два шага вперед, улыбаясь и беззвучно плача.

"Жун-Жун, давай больше никогда не расставаться," — Ван Ту продолжил протягивать руки, его голос звучал мягче.

Лу Жун остановился и сказал со слезами на глазах: "Есть ещё дедушка, дедушка и гэгэ."

"Да, давай заберем дедушку и гэгэ и вернемся домой."

"И Дядя Бай с дядей Чэном."

"Дядя Бай и дядя Чэн уже дома, когда мы вернемся, будем жить все вместе."

Слова Ван Ту несли в себе огромное искушение, тело Лу Жуна затрепетало от счастья при одной мысли об этой картине. Он рассеянно посмотрел на Ван Ту со слезами на глазах и медленно приблизился к нему.

"Мы посадим во дворе всевозможные цветы и сделаем для тебя качели," — тихо сказал Ван Ту.

Кто ожидал, что, как только голос затих, мечтательный огонек в глазах Лу Жуна постепенно исчез. Он остановился и застыл на месте, наклонив голову, глядя на Ван Ту.

"В чем дело?" — спросил Ван Ту.

Лу Жун подозрительно спросил: "Но разве у нас во дворе нет качелей?"

Выражение лица Ван Ту осталось прежним: "Чуть не забыл, но мы все еще можем посадить цветы, рассадить их по всему двору и поставить виноградник. Летом мы будем сидеть под виноградником, охлаждаясь, и пить самый лучший сок."

"Посадим все виды цветов во дворе?" — спросил Лу Жун.

Произнеся эту фразу, он затаил дыхание и нервно уставился на рот Ван Ту.

"Да, разве тебе это не нравится? Если тебе это не нравится, мы можем ничего не выращивать," — сказал Ван Ту с улыбкой.

Лу Жун тихими шагами начал отступать.

"Что я раньше выращивал во дворе?" — Его лицо было залито слезами, голос дрожал, в темных глазах, казалось, вот-вот что-то сломается, но также в них читалось ожидание.

"Не имеет значения, что ты садил раньше, просто выкопай это после возвращения," — Ван Ту уставился на его уходящие ноги, постепенно убирая улыбку со своего лица.

Сердце Лу Жуна на мгновение замерло, тяжело падая в глубокую темную яму.

Если присмотреться повнимательнее, можно обнаружить, что костяшки его пальцев побелели от напряжения, цепляясь за шорты.

"После того, как мы выберемся отсюда, заберем дедушку..."

"Ты лжешь!" — Лу Жун внезапно закричал и перебил его: "Ты вовсе не Ту-гэ, ты лжешь!"

"Я твой Ту-гэ, ты..."

"Ты лжешь, ты лжешь, ты лжешь, ты лжешь..."

Лу Жун взволнованно закричал, из глаз хлынули слезы, а кровеносные сосуды на его шее вздулись.

"...Давай посадим маленькие цветочки во дворе, какие захочешь, и поставим горку, такую горку с рисунками..." — Лицо Ван Ту скривилось, а скорость его речи становилась все быстрее и быстрее.

"Ты лжешь, как только ты чувствуешь запах цветов, у тебя распухает лицо. Ты сказала, что это аллергия. У нас дома нет цветов. Я посадил мороженое во дворе, и ты сказал мне, что оно исчезнет, если его посадить."

Лу Жун закричал, его зубы неудержимо клацнули. Он уставился на сжимающиеся губы Ван Ту, превратился в белого олененка, опустил голову и врезался в перед.

Ван Ту, наконец, заткнулся и поспешно спрятался от него, но он все равно был на шаг медленнее, в его правую руку ткнулся маленький серебряный рожок.

После шипения его рука внезапно превратилась в серый туман и поплыла по воздуху.

Видя это, олененок продолжил бодаться, его безрассудная поза казалась безумной.

"Ван Ту" в смущении уклонялся влево и вправо, но его все равно часто били копытами, все пораженные части тела превращались в серый туман.

Вскоре у него пропала талия, левая нога и правая рука. Человек был рассеян, выглядел странно, пугающе и немного забавно.

Он больше не пытался притворяться и продолжал говорить, прячась: "Ты монстр. Ван Ту выбросил тебя в мусорное ведро, потому что боялся тебя..."

Набросившийся на него олененок не останавливался, его глаза покраснели, и красные символы на его ногах также светились жгучим светом.

"Ты все еще ждешь того ребенка, который был с тобой? Как ты думаешь, он вернется к тебе? Я только видел, что он нашел выход, и не мог дождаться, чтобы выйти."

"Он вообще никогда не думал о том, чтобы вернуться к тебе, ты просто мусор в его глазах."

"Точно такой же, как и для Ван Ту, обнаруживший, что ты монстр, выбросил тебя прочь, подальше от себя..."

...

Олененок заскулил от боли, он использовал не только рога, но и копытца и даже открыл пасть, обнажив два ряда маленьких зубов, пытаясь укусить.

"Ван Ту" постепенно рассеивался, но он неудержимо смеялся: "Тебя все равно бросят..."

После последнего сильного удара олененка все его тело окончательно превратилось в дым, и только последние слова остались в воздухе.

"...ты все равно будешь покинут..."

Дыша через нос, Лу Жун стоял неподвижно, его стройные ноги дрожали, словно он не мог удержать свое тело.

Спустя долгое время он превратился в обнаженного маленького мальчика, медленно присел на корточки, обнял себя за плечи и уткнулся лицом в колени.

...

Шэнь Цзицзе на ощупь продвигался вперед в сгущающемся тумане, используя железный прут, как маленький слепой, исследующий путь.

Его ноги подкашивались, становясь все тяжелее и тяжелее, но он все равно кричал Лу Жуна сухим и хриплым голосом.

Но как только он завернул за угол, окутавший его туман внезапно быстро рассеялся, как небесная завеса, раскрывающаяся на восходе солнца, или даже быстрее.

Это было так, как если бы там был большой вытяжной вентилятор, который всасывал туман, застилавший его поле зрения, которое расширилось и стало четким.

Он сразу же увидел в конце коридора прямо перед собой маленького мальчика, свернувшегося калачиком, и сидевшего на корточках на земле.

"Лу Жун!" — Шэнь Цзицзе закричал от удивления и радости сломанным голосом.

Ему было наплевать на боль, он мгновенно набрался сил, бросил железный прут, который держал в руке, и побежал вперед большими шагами.

Когда он уже собирался подбежать поближе, мальчик, уткнувшийся лицом в колени, поднял лицо, он сразу вздрогнул и остановился.

На нежное маленькое личико из чёрно-белых глаз капали слезы.

Но не это удивило Шэнь Цзицзе, а то, что когда он увидел его, былая печаль в темных глазах мгновенно исчезла, и появилась настороженность.

"Жун-Жун, я здесь, чтобы забрать тебя," — Шэнь Цзице показалось, что он напуган, поэтому тихо сказал это.

Неожиданно, после того, как Лу Жун услышал эти слова, он не только никак не отреагировал, на его лице появилось еще больше ненависти.

Шэнь Цзице объяснил: "Я просто долго искал тебя, и теперь..."

"Ты использовал облик моего гэгэ, чтобы обмануть меня?" — Лу Жун холодно прервал его.

"Использовал мой облик?" — Шэнь Цзице не знал, о чем он говорит, поэтому пробормотал: "О чем ты говоришь? Я — твой гэгэ, я — Шэнь Цзице."

"Я в это не верю," — уголки рта Лу Жуна опустились, как будто он снова собирался заплакать.

"Я действительно твой гэгэ," — Шэнь Цзице попытался объясниться и шагнул вперед, но Лу Жун крикнул: "Тебе запрещено идти вперед!"

Он был похож на разъяренного маленького льва, все его тело встало на дыбы, он вот-вот собирался показать свои маленькие коготки.

— Когда Шэнь Цзице сделает еще один шаг вперед.

Шэнь Цзице пришлось остановиться и спросить: "Что ты делаешь? Я был не прав, мне не следовало оставлять тебя одного."

Видя, что Лу Жун не отвечает, он пристально посмотрел на него и продолжил: "Я действительно был неправ, но со мной тоже произошло несчастье. Ты не знаешь, я только что встретил женщину-призрака, это была действительно женщина-призрак, ползающая по потолку."

Сказав это, Шэнь Цзице стал энергичным и начал жестикулировать, подняв брови: "У нее такие длинные волосы, видишь? Настолько длинные."

Он вытянул руки как можно дальше и потянулся: "Я не буду рассказывать тебе подробности ее внешности, из-за страха напугать, тебе просто нужно знать, что это очень страшно."

Лу Жун посмотрел на Шэнь Цзице, в его полных слез глазах появилось замешательство, он склонил голову набок.

"Конечно, я определенно не боялся. У меня было оружие, и я бил по ней несколько раз,

женщина-призрак была избита мной. Посмотри на меня, обрати внимание, в то время я использовал этот трюк."

Шэнь Цзицзе притворился, что держит в руке железный прут, немного попозировал и ударил по воздуху.

Свет в глазах Лу Жуна потускнел, и он опустил голову, глядя в землю, сам не понимая, о чем думает.

"Я собирался пройтись с ней еще несколько кругов, но знаешь, кто вернулся?" — Притворно таинственно спросил Шэнь Цзицзе.

Не дожидаясь ответа Лу Жуна, он понизил голос и ответил сам себе: "Воин-олень!"

Лу Жун задрожал всем телом, затем внезапно снова поднял голову, его глаза снова заблестели.

"Воин-олень все еще так хорош. Он взмахнул копытом, и все тело женщины-призрака оказалось в огне. Его рога тыкали женщину-призрака, и она могла только молить о пощаде..."

"Гэгэ..." — пробормотал Лу Жун, его голоса не было слышно, затем он крикнул: "Гэгэ!"

"Эй, в чем дело?" — Шэнь Цзицзе был прерван, и, увидев взволнованный вид Лу Жуна, он быстро ответил: "Гэгэ здесь."

Лу Жун встал, голый бросился в объятия Шэнь Цзицзе и закричал: "Ты выбросил меня, как мусор? Разве ты не хотел вернуться и забрать меня? Ты думаешь, что я ужасный и больше не хочешь со мной проводить время..."

Шэнь Цзицзе поймал маленькое обнаженное тельце, не понимая, почему тот произносит эти слова.

Но Лу Жун плакал, запыхавшись, его плач был полон душераздирающей печали и обиды, а глаза покраснели от боли.

"Жун-Жун — не мусор, как твой гэгэ может не хотеть с тобой играть. Когда я говорил, что вернусь за тобой, я вернулся, чтобы забрать тебя. Жун-Жун — не мусор," — он бессвязно объяснил.

"Но рано или поздно я тебе разонравлюсь. Ты захочешь выбросить меня в мусорку, ты рано или поздно меня бросишь..."

Лу Жун в отчаянии крепко обнял Шэнь Цзицзе и повис на нем, опасаясь, что он уйдет.

Его слезы пропитали одежду на груди Шэнь Цзицзе, обжигая кожу и проникая в сердце.

Шэнь Цзицзе слушал его душераздирающий крик, его глаза покраснели, грудь поднималась и опускалась.

Сейчас он ничего не хотел, он просто хочет, чтобы Лу Жун перестал плакать, перестал рыдать, он готов на все, лишь бы Лу Жун не плакал.

"Жун-Жун, я не оставлю тебя, я никогда не покину тебя."

Он поднял лицо Лу Жуна и торжественно произнес обещание молодому человеку.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326853>